

КЪ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНІЯ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ.

Письмо П. И. Бѣлецкаго къ Я. И. Бередникову. 1852.

Профессоръ В. Сергѣевичъ открываетъ третій томъ своихъ „Древностей русскаго права“ пламеннымъ диѳирамбомъ въ честь писцовыхъ книгъ. „Писцовыя книги,—говоритъ онъ,—заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія нашего древняго быта. Онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на исконную древность частной поземельной собственности, сельской и городской, на возникновеніе зависимаго владѣнія, какъ явленія вторичнаго, на хозяйственное пользованіе землей, на доходы владѣльцевъ, ихъ повинности и порядокъ обложенія ихъ недвижимостей государственными сборами“. Въ концѣ сознается: „Но всѣ вопросы, на которыя даютъ отвѣтъ писцовыя книги, и перечислить нельзя“.

Правда, объ огромномъ значеніи писцовыхъ книгъ у насъ говорили уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подробно, но неувѣренно. Научная всесторонняя разработка ихъ началась сравнительно недавно, вѣрнѣе—начинается, потому что еще многіе первоисточники до сихъ поръ не изданы и трудно предвидѣть, когда они стануть извѣстны.

А между тѣмъ болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ уже имѣлся у насъ подобный Сергѣевичу восторженный почитатель писцовыхъ книгъ, прекрасно постигшій ихъ подлинное значеніе для науки. Человѣкъ этотъ стремился отдать свою жизнь на многотрудную, кропотливую, невидную работу надъ этими глубоко-поучительными, но и безмѣрно-скучными для непосвященныхъ, источниками. Работу эту понималъ онъ, повидимому, вполне вѣрно и сдѣлалъ бы ее въ доступныхъ ему предѣлахъ честно, но судьба не позволила, кажется, ему осуществить завѣтную мечту.

Въ бумагахъ Я. И. Бередникова найдено письмо Петра Ивановича Бълецкаго. Къ сожалѣнію неизвѣстно, кѣмъ былъ авторъ письма и удалось ли ему добиться содѣйствія въ задуманномъ имъ дѣлѣ обслѣдованія вологодскихъ писцовыхъ книгъ. Изъ письма видно, что Бълецкій состоялъ въ Вологдѣ подъ надзоромъ полиціи; видно также, что авторъ письма обладаетъ извѣстною оытностью въ обращеніи съ актами: умѣло и кстати онъ пользуется выдержками во избѣжаніе общихъ бездоказательныхъ разсужденій. Невольно напрашивается предположеніе, что онъ былъ не чуждъ литературѣ. Въ указателяхъ исторической литературы, относящихся къ концу второй половины прошлаго вѣка, мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ П. Бълецкаго—Носенко, сотрудничавшаго въ *Полтавскихъ Губернскихъ Видомостяхъ* въ 1839 и 40 годахъ. Въ послѣднемъ году была помѣщена имъ за полною подписью въ № 23 и 24 статья: „Лингвистическіе памятники повѣрій у малороссіянъ“. Весьма вѣроятно, что ему же принадлежитъ статья 1839 г., подписанная инициалами П. Б. Н. и касающаяся однородной темы: „Суевѣрія малороссійскія, сохранившіяся въ памятникахъ словесныхъ“.

Тождество инициаловъ имени и первой части фамиліи автора статей и автора письма наводятъ на мысль, что П. Бълецкій—Носенко и Петръ Ивановичъ Бълецкій въ сущности одно и тоже лицо. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что Бълецкій былъ сосланъ въ Вологду. Принимая во вниманіе „хохлацкія“ темы его статей и то, что въ 40-хъ годахъ подверглось разгрому Кирилло—Меодіевское братство, мы можемъ заключить, что причиною ссылки его являлась подлинная или фиктивная прикосновенность его къ дѣлу братчиковъ.

На своихъ предположеніяхъ во всякомъ случаѣ мы не настаиваемъ и будемъ ждать выясненія даннаго вопроса людьми, располагающими для этой цѣли документальными данными.

Отвѣтилъ ли Бередниковъ на данное посланіе,—мы не знаемъ. Весьма сомнѣваемся, что Бълецкому было оказано содѣйствіе. Не смотря на солидныя полномочія, на приказы свыше, на предупредительное отношеніе крупнаго начальства, даже знаменитый П. М. Строевъ и самъ Я. И. Бередниковъ нерѣдко натыкались на полную невозможность обслѣдовать документы, весьма цѣнные для науки. И если не всегда къ „правительственнымъ актамъ“ допускались генералы науки,—подлинные генералы по табели о рангахъ,—то какъ же можно было подпустить къ нимъ „поднадзорнаго“, челоѡка въ значительной степени неблаго-

надежнаго? Полагаемъ, поэтому, что благія стремленія Бѣлецкаго такъ и остались стремленіями. Пріятно бы было узнать, что въ данномъ случаѣ мы ошибаемся.

И. Мордвиновъ.

Милостивый Государь.

Смѣю надѣяться, что Вы, Милостивый Государь, обратите вниманіе на письмо человека неизвѣстнаго. Предметъ, о которомъ я стану говорить, мнѣ кажется, очень важенъ для современной науки. И если мнѣнія мои о немъ Вы найдете дѣйствительно полезными—покорнѣйше прошу Васъ: не откажите въ содѣйствіи и совѣтѣ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Извѣстно о богатствѣ содержанія *писцовыхъ книгъ*, а между тѣмъ этотъ обширный матеріалъ остается почти нетронутымъ изыскателями о древности. Все, что мы знаемъ о немъ, знаемъ едва ли не по однимъ предположеніямъ, потому что *обзоръ московскихъ писцовыхъ книгъ*, сдѣланный г. Ивановымъ, не можетъ удовлетворить полному понятію нашему объ этомъ памятникѣ XVII стол. Писцовыя книги разнообразны: между ними столько же различія и несходства, сколько въ извѣстное время различались между собою мѣстности съ матеріальнымъ положеніемъ ихъ жителей. Слѣдовательно, *обзоръ* г. Иванова, какъ относящійся собственно до Москвы и ея уѣздовъ, имѣетъ значеніе относительное. Если бы даже и почаще являлись у насъ разработки, подобныя знаменитому труду г. Неволина, все-таки о писцовыхъ книгахъ мы узнали бы только со стороны географической и топографической. Самыя писцовыя съ своимъ богатствомъ данныхъ о *зачеткѣ* кадастра XVII ст., разбросанныя по разнымъ архивамъ, надолго останутся неизвѣстными любознательности. Еще хорошо, если подобныя сокровища сохраняются въ вѣдомствѣ лицъ, понимающихъ значеніе древности. Но оставаясь принадлежностью разныхъ уѣздныхъ судовъ, гдѣ невѣжество чуть не съ озлобленіемъ оспариваетъ у времени права на истребленіе, ихъ положеніе плачевно: вмѣсто цѣльныхъ, огромныхъ рукописей передаются одни разрозненные, разбитые, изорванные листы. Я говорю изъ опыта, на который покорнѣйше прошу обратить ваше вниманіе.

Бывшій начальникъ Вологодской губерніи, г. Волховскій поручилъ мнѣ просмотрѣть составленную по его распоряженію записку о

Никольской писцовой книгъ. Представившійся случай далъ мнѣ возможность познакомиться съ этимъ матеріаломъ въ самомъ его источникѣ. Просматривая наскоро составленную записку и повѣряя ее съ подлинникомъ, я пораженъ былъ богатствомъ данныхъ послѣдняго. Тутъ же въ головѣ моей образовался планъ: 1) сократить подлинникъ писцовыхъ, внося въ сокращеніе *разнозначащіе* предметы и также *знаменательныя* названія деревень, фамилій, дорогъ, ручьевъ, рѣчекъ, урочищъ и проч. съ возможною полнотой и подробностью и разнообразіемъ. Подобныя подробности уже потому необходимы, что иногда по одному слову, по одному прозвищу исторія и филологія доходятъ до познанія о забытой старинѣ, а часто ускользнувшее отъ вниманія лѣтописца остается въ одномъ немногорѣчивомъ названіи мѣста. Въ этомъ случаѣ писцовыя Вологодскаго края представляютъ названія довольно интересныя; таковы: крестьяне *Кучумовы*, деревни: а) *Чудское старое пещище*, *Чудское старое дворище*; б) *Пермесь*, *Кожиева*, *Пыжмась*; с) *Ассирійскія*, *Езекіино*, *Еврейскія*. Если названія первыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ когда-то обитавшей здѣсь Чуди, а вторыя такъ ясно намекаютъ на пребываніе въ этихъ мѣстахъ теперь подальше оттиснутыхъ зырянъ,—спрашивается, на основаніи какого повода пришло русскому человѣку въ голову окрестить свои деревни *библейскими* наименованіями?

II) Все *повторяющееся*, напр., перепись деревень съ ихъ жителями, имуществомъ и пр., какъ увеличивающее единственно объемъ, а не познанія, опускаетъ *сводитъ съ общій итогъ*. Являсь въ сокращенномъ видѣ, писцовая не должна утратить полноты относительно сущности и значенія для науки. Вся разница въ томъ, что въ предположенномъ сокращеніи выбрасываются безконечныя повторенія предметовъ сходныхъ, а мѣста *параллельныя*, разбросанныя въ подлинникѣ на разныхъ страницахъ, тутъ сводятся подъ общую имъ рубрику. Это сокращеніе должно составить *приложеніе*.

III) Потомъ на основаніи извлеченій и общаго изученія писцовой составить подробное обзорѣніе каждой изъ нихъ, безъ сомнѣнія съ надлежащими ссылками на извлеченныя мѣста.

IV) Кромѣ того, на подлинныхъ *показаніяхъ* приложить подробныя планы городовъ съ *картами* тогдашнихъ уѣздовъ, волостей, сель, погостовъ, деревень, лѣсовъ, болотъ и пр. Наконецъ, черезъ посредство начальника губерніи записку свою представить на разсмотрѣніе Академіи Наукъ.

Г. Волховскій одобрилъ представленный ему планъ; тотчасъ вы-требовалъ изъ уѣздовъ уцѣлѣвшія писцовыя. Для начала я взялъ *Тотемскую писцовую и сотную* книги,—города, извѣстнаго соляной промышленностью. Это было въ 1850 году. Изъ ближайшаго раз-смотрѣнія оказалось, что обѣ эти книги суть копіи съ подлинниковъ XVII стол. и относятся къ разному времени. *Сотная* древнѣе *писцовой*; она списана въ 1614 году съ *Сотныхъ книгъ, которая по городу Тотмъ и по Тотемскому уѣзду 131, 132, 133 годовъ, въ которой о Коченской и Раменской слободкахъ ниже сею показано*. Ея подроб-ности любопытны по интереснымъ случайностямъ, внесеннымъ произ-вольнымъ перомъ ея писца. Зато какъ грустно, какъ тяжело смотрѣть на ея изорванные листы, большая часть которыхъ растеряна, а все вмѣстѣ до того избито, что нѣтъ возможности найти порядка стра-ницъ. Сотныя книги *извлекались изъ общей для всего уѣзда писцовой и разсылались отдѣльно въ каждую сотню*, т. е. въ города и волости, для того, чтобы жителямъ городовъ и волостей вѣдомо было, чѣмъ они владѣютъ и какія лежатъ на нихъ подати и повинности: „Лѣта 7149, сентября въ 6, били челомъ государю царю и великому князю Михаилу Θεодоровичю всея Руссіи, а въ Устюжской чети дьяку Чирикову подали челобитную Тотемскаго уѣзду Коченской слободки, а въ челобитной ихъ написано: по государеву указу были на Тотмѣ писцы Тока Дуровъ да подъячей Остаеѣй Колюпановъ и по ихъ де письму на Тотму на посадъ и въ Тотемской уѣздъ съ тѣхъде пис-цовыхъ книгъ сотныя присланы, а къ нимъ де въ Коченскую и въ Раменскую слободки съ тѣхъ писцовыхъ книгъ сотная не послана; и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ съ тѣхъ писцовыхъ книгъ дати сотную.“ Между обитателями Тотмы, исчисленными въ ея сотной, встрѣчается одно, сколько мнѣ кажется, мало извѣстное состоя-ніе—*захребетниковъ*. Говорять, въ настоящее время въ Кокшенгской волости, Тотемскаго же уѣзда, захребетникомъ называется человекъ, безъ приглашенія куда либо приведенный званымъ гостемъ—своимъ пріятелемъ, въ противоположность къ которому незваннаго называютъ захребетникомъ. По сотной, къ состоянію захребетниковъ относятся люди, не имѣющіе ни кола, ни двора. Это былъ послѣдній классъ между горожанами, ниже бобылей. И если новѣйшее мѣстное выра-женіе этого слова имѣетъ связь съ древнимъ выраженіемъ и образомъ жизни захребетниковъ, то они были люди, тяжесть положенія кото-рыхъ лежала на чужомъ хребтѣ, потому что они жили на чужой счетъ.

Тотемская писцовая также копія, но уже далеко позднѣйшая; она сдѣлана въ 1747 г. съ *переписной Тотемскаго уѣзда оброчнымъ*

пустошамъ, сплннымъ покосамъ и рыбнымъ ловлямъ писца Никифора Озерова 195 году кними; а ея подлинникъ, какъ значится по приложенному къ ней репорту Тотемской воеводской канцеляріи, отправленъ въ послѣднюю для *подлинныхъ справокъ*. Что случилось съ этимъ подлинникомъ,—неизвѣстно. Всего вѣроятно, онъ сдѣлался добычею пожара, недостатка въ которыхъ здѣсь не было. Копія уцѣлѣла: она состоитъ изъ одного большого переплетеннаго тома около 2-хъ тысячъ страницъ, исписанныхъ разными почерками. Кое-гдѣ въ серединѣ въ ней недостаетъ листовъ, недостаетъ ихъ и въ концѣ. Ея содержаніе разнообразно: не говоря уже о подробномъ описаніи города съ его стѣнами, башнями, оружіемъ, огнестрѣльными снарядами, церквами, улицами, жителями, лавками, соляными варницами и проч., и проч.—сюда попали и челобитныя, и перечень грамотъ на владѣнія и разныя разности, относящіяся къ населенію, о которомъ молчитъ наша древняя исторія. Вообще, въ писцовыхъ идетъ рѣчь обо всемъ, что тогда населяло Россію; въ нихъ не пропущено ни одно состояніе. А это очень важно; важно потому, что мы мало знаемъ о судьбѣ обитателя деревни до-петровскихъ временъ. Гдѣ же удобнѣе узнать о его житьѣ-бытьѣ, какъ ни при изученіи писцовыхъ книгъ:... „Никольской волости въ деревнѣ Варламцовѣ дворъ пустъ, сгнилъ и развалился безъ остатку, Федьки Теплякова, и пашенной земли полдеревни запустѣло въ 185 и 186 годахъ отъ хлѣбнаго недороду и отъ солдатской службы; а владѣлецъ Федька на службѣ умре и тѣмъ жеребьемъ никто не владѣетъ“... Писцовыя, перечисляя каждаго жителя, описываютъ его поземельныя имущества отъ избы и огорода до послѣдняго клочка угодій, до послѣдней копны сѣна, собираемаго въ пустошахъ и лугахъ. Это одна сторона, сторона матеріальнаго благосостоянія. Кто же станетъ отвергать ея вліяніе на развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ народа? А между тѣмъ извѣстно ли намъ о главномъ источникѣ государственныхъ и частныхъ доходовъ древней Россіи,—ея хозяйствѣ? Знаемъ ли мы въ точности, что значать: тяглая земля, тяглый жребій, вытное тягло, полянка, пожня, пустошь, займище, починокъ, роспашь, ляга, полянка что бывалъ починокъ, исадъ или исать, исадный починокъ, перелогъ,—и множество другихъ терминовъ, изъ которыхъ немногіе въ хозяйственномъ быту употребляются доселѣ нашими крестьянами? Знаемъ ли мы, на какихъ условіяхъ и формахъ приобрѣталось и отчуждалось имущество у горожанъ и крестьянъ? При подспорѣ многосторонняго изученія писцовыхъ обо всемъ этомъ можно найти прекрасное удовлетвореніе. Онѣ вполнѣ покажутъ намъ, чѣмъ владѣлъ и на какихъ условіяхъ владѣлъ древній горожанинъ и селянинъ, какія на нихъ лежали подати и повин-

ности, какое ихъ ремесло и что они должны взнести въ государеву казну за отправление своего занятія.... „а съ вытнаго письма великихъ государей оброку и за намѣстничъ доходъ 21 рубль, 25 алтынъ, 2 деньги: съ одного рубля по 2 алтына; даны и ямесныхъ, и примѣтныхъ, и за городовое, и за засѣчное и за емчюжное дѣло, и соколы оброку, и казначеевыхъ, и дьячьихъ, и подъячьихъ, и кормовыхъ, и праветчиковыхъ пошлинъ, и пищальныхъ денегъ 11 рублей 7 алтынъ полчетверты деньги: съ выти по 24. алтына по 2 деньги“...

Кто бъ ни былъ онъ: „юсть, юстиной сотни, посадской человекъ, лучший человекъ, середній человекъ, молодой человекъ, бобыль, нищая вдова, захребетникъ, работный человекъ, половникъ, судовой ярыжка, черные люди, обильные люди, и проч.,—никого изъ нихъ не пропуститъ писцовая, каждого отнесетъ къ его состоянію, обусловленному или его ремесломъ и образомъ жизни, или занятіемъ и матеріальнымъ достаткомъ. Наконецъ, едва ли не при *взаимномъ* изученіи древнихъ актовъ съ писцовыми книгами достаточно уяснится намъ тогдашній способъ *измѣренія, оцѣнки земель* и раскладка податей на *четы, выти, сохи* и *малыя сошки*...

...„А въ приправочныхъ книгахъ Никиты Вышеславцева съ товарищемъ тѣ данные и всякіе доходы положены были въ той Никольской слободкѣ и во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ на малыя сошки, по 6 рублей, по 7 алтынъ, по 2 деньги на сошку; а въ той Никольской слободкѣ кладено по осми вытей въ сошку, а въ иныхъ волостяхъ по 7 и по 10 и по 15 вытей въ сошку; и тѣхъ вышенисанныхъ данныхъ и всякихъ доходовъ обходилось на выти не поровну. А по указу блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца и по наказу... велѣно писцомъ въ Устюжскомъ уѣздѣ учинить сохи все равны; и по тому его, великаго государя, указу тѣ доходы разверстаны во весь Устюжскій уѣздъ и положены на выти поровну“...

Если способъ такого измѣренія и оцѣнки не могъ быть точенъ, зато изумительно зоркая внимательность писца ко всему, что входило въ составъ тогдашняго кадастра.

Слѣдя за *вытями* и *пол-пол-пол-третью* и *пол-пол-пол-пол-четью вытями*, такъ вотъ и сдается, что писецъ войдетъ въ пѣзу, заглянетъ въ амбаръ и сундукъ, нѣтъ ли еще и тамъ чего для описи и оцѣнки. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ поступаетъ, описывая погость.

... „погость, а на погостѣ церковь... холодная клетцки; въ церкви царскія двери, столбцы и сѣнь надъ царскими дверями въ тяблахъ; Деисусъ на 11 дѣках.“ Тутъ же перечисляются образа... „Въ олтарѣ престоль, на немъ одѣяніе крашенинное, на престолѣ книга евангеліе писменное, обложено мѣдью, крестъ благословящій, у престола образъ Пресвятыя Богородицы, крестъ выносный съ рукоятіемъ; жертвенникъ одѣтъ кидякомъ, на жертвенникѣ сосуды церковные—дискось, и потиръ, и лжица, и два блюда деревянныя, покровцы киндяшныя... книгъ: служебникъ новой, печатной уставъ писменный, псалтирь и часовникъ печатные; ризы миткалинныя, оплечье камчатное, ризы полотняныя, патрахиль крашенинная, поручи выбойчатыя, подризникъ полотняной. На площади колокольня деревянная; на ней колоколъ въ 6 пудъ, съ четью, два колокола по 3 пуда... А тѣ церкви и въ церквяхъ образы, и книги, и церковное строеніе и колокола—мірское, приходскихъ людей“...

Перелистывая писцовыя неволью останавливаешь вниманіе на *городкахъ*. Это безмолвные свидѣтели тѣхъ давнопрошедшихъ судорожныхъ временъ, когда тихая однообразная жизнь отдаленнаго селянина возмущалась частыми набѣгами разбойниковъ. Предоставляя жителей личной защитѣ, обремененное внѣшними войнами правительство на мѣстахъ болѣе опасныхъ, особенно у береговъ и на возвышенностяхъ, устроило эти крѣпостцы, или городки, снабженные пищалями, порохомъ, луками и стрѣлами. По первому слуху о намѣреваемомся набѣгѣ сюда стекались обитатели окрестныхъ деревень для отраженія вооруженныхъ шашекъ, особенно размножившихся со временъ Грознаго. Такъ отстаивалъ народъ благотворный нарядъ и законъ отъ порожденной усобицами и смутами вольницы, которая лихую буйную жизнь въ лѣсахъ, ножъ да чужое добро предпочла надежному, но тяжелому труду.

„Въ кичьменской волости на рѣкѣ на догу городокъ деревянный, рубленъ въ клѣтки, а въ немъ на воротѣхъ колокольня да башня отводная, да 45 городень, а средни по 3 саж. Итого около городка съ воротами и съ башнею 140 сажень. А на городѣ на рѣку 25 пищалей ручныхъ, да 11 затинныхъ да 19 мелкихъ, въ томъ числѣ 1 мѣдная, 2 ствола ломаные безъ ложъ, зелья полтора пуда, да 3 свинки свищу, да 5500 ядеръ желѣзныхъ да пулекъ свинцовыхъ и желѣзныхъ, и дробі 4 пуда; лучинко худой, 15 стрѣлъ... Да у городка жъ на площади дворцы оброчныя бобыльскіе“...

Сообразивъ эти обстоятельства, перестаешь удивляться многочисленнымъ запусѣлымъ дворамъ и огромному числу бѣглыхъ въ тогдаш-

нее время: уходятъ отдѣльныя лица, уходятъ семейства, уходятъ цѣлыя деревни,—а куда? „Бродятъ въ мѣрь, кормятся Христовымъ именемъ, сошли въ сибирскіе города, сошли безвѣстно, про то старыя люди не вѣдаютъ“,—обыкновенно отвѣчаютъ писцовыя книги. Но если взять во вниманіе время этихъ замѣчательныхъ побѣговъ, обозначенное въ писцовыхъ около 180 и 190-хъ годовъ и посмотрѣть, не происходило ли тогда внутреннихъ измѣненій въ администраціи,—вопросъ порѣшится очень легко. Кстати замѣтить, что еще не такъ давно,—какъ сказываютъ,—въ 20-тыхъ годахъ текущаго столѣтія земская полиція находила населенныя деревни въ безконечныхъ устьесольскихъ и яренскихъ мѣстахъ; жители этихъ деревень не помнили,—откуда и когда пришли въ эти мѣста ихъ предки. Говорятъ, вся эта мѣстная вольница состояла изъ старообрядцевъ.

Вотъ нѣчто въ видѣ обзорнія Никольской и Тотемской писцовыхъ книгъ. Оно слишкомъ поверхностно. Выписки сдѣланы безъ особаго выбора, вносилось сюда первое, попавшееся на глаза въ извлеченіяхъ и единственно во избѣжаніе общихъ мѣствъ.

Вникая въ этотъ замѣчательный памятникъ XVII столѣтія, забываешь о скучныхъ, постоянно повторяющихся переписяхъ, и до того вчитываешься, что невольно переносишься мыслью въ его отдаленное время. Такова обаятельная сила повидимому сухой дѣйствительности: немного разгадаешь въ ней, и она завлечетъ интересами отражающейся въ ней жизни.

Опредѣлить каждое состояніе по писцовымъ книгамъ и другимъ источникамъ въ отношеніи матеріальномъ; указать всѣ способы знанія и средства, которыми пользовался и руководствовался горожанинъ и селянинъ XVII столѣтія; окружить ихъ возможно вѣрною мѣстностью, подъ вліяніемъ которой они родились, жили и дѣйствовали,—вотъ задача, которую поставилъ я во главѣ, взявшись за изученіе писцовыхъ книгъ. Конечно, выполнение этого плана, кромѣ времени, усидчиваго труда и терпѣнія, требуетъ многого: ученыхъ пособій, которыхъ у меня нѣтъ и которые едва ли возможны въ провинціи, поѣздки на описываемыя мѣста для личнаго знакомства съ ними, необходимыхъ средствъ къ жизни, въ которыхъ я не всегда не нуждаюсь. А между тѣмъ непреодолимое желаніе работать не даетъ мнѣ покою. Въ надеждѣ на участіе губернатора Волховскаго я трудился надъ извлеченіями, и если обстоятельства не допускали меня до труда усидчиваго, постояннаго, за то возможное дѣлалось съ полною отчет-

ностью. Къ крайнему моему прискорбію, г. Волховскій получилъ новое назначеніе, и по распоряженію новаго начальника губерніи г. Романуса у меня отобраны писцовыя книги. На просьбу мою о позволеніи продолжать занятія по писцовымъ книгамъ, г. Романусъ отвѣчалъ, что онъ, безъ особаго разрѣшенія правительства, не имѣетъ права дать позволеніе частному лицу заниматься государственными актами. Конечно, въ этомъ отказѣ не малое вліяніе могло имѣть на губернатора мое несчастное положеніе въ Вологдѣ: я въ ней подъ надзоромъ полиціи. Какія бы, впрочемъ, ни были причины его отказа, я обращаюсь къ Вамъ, М. Г., за содѣйствіемъ, обращаюсь потому, чтобы успокоить совѣсть свою за бездѣйствіе.

Я очень твердо увѣренъ, что если здѣсь высказанныя мнѣнія мои Вы найдете не пустою болтовнею, но возможными для исполненія и полезными, и убѣдитесь, что человекъ, Васъ безпокоющій, глубоко проникнуть предметомъ, къ изученію котораго себя предназначаетъ, Вы не рѣшитесь не помочь его горю: холодный отказъ и невниманіе—поступки для Васъ невозможныя.

Имѣю честь присовокупить здѣсь, что писцовыхъ книгъ, относящихся собственно до города Вологды, въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ начальнику губерніи, не оказалось. Очевидцы говорятъ и даже утверждаютъ, что онѣ находятся въ здѣшней консисторіи. Но входъ въ консисторскій архивъ зависитъ отъ позволенія епархіальнаго архіерея: все это сопряжено для меня съ трудностями, безъ Вашего содѣйствія непреодолимыми.

Имѣю честь быть, М. Г., покорнѣйшій слуга Петръ Бѣлецкій.

Вологда, 1 октября 1852 г.

P. S.—Имѣю честь присовокупить здѣсь свой адресъ: Петру Ивановичу Бѣлецкому, въ Вологдѣ, въ домъ Прозоровскаго, на Козленской улицѣ.

Сообщилъ И. Мордвиновъ.

